

ДМИТРИЙ КАЛИНИН

ДАО ВЕРОНИКИ

Москва

2016

ББК 86.4
К17

Дмитрий Калинин
К17 Дао Вероники. Москва: издатель Калинин Д.А., 2016. 424 с.

ISBN 978-5-9908588-4-8

Если в одном лице соединить вольную скиталицу, противоречивую северную шаманку и бесстрастного мастера-даоса, то получится Вероника — девушка с непростым характером и сущностью оборотня. Она — хранительница древних знаний, идущая путём нерождённых.

Главный герой встречает её в Камбодже, и они отправляются в путешествие по стране. Встречи с чудовищными порождениями миров сновидений, потусторонними существами, а также непреклонное намерение Вероники пробудить своего друга от летаргического сна реальности навсегда меняет его жизнь.

ББК 86.4

ISBN 978-5-9908588-4-8

© Калинин Д. А.,
текст, издание, оформление, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	5
§0. Сиам побеждённый	7
§1. Знаки в ржавой бочке	21
§2. Кто ты есть	42
§3. Сиануквильская заря	61
§4. Шёпот Аниматора	75
§5. Вход в бревно	85
§6. Запах кедровых шишек	95
§7. Шаманская болезнь Вероники	118
§8. За пределами счастья	132
§9. Секс кармических оборотней	143
§10. Беспощадная искренность	160
§11. Рыба, девушка и море	181
§12. Лепесточный и Девятихвостая	203
§13. На дне Пномпеня	220
§14. Иван, Кощей и Василиса	247
§15. Морок и любовь ху-цзин	260
§16. Вовлечённая непривязанность	278
§17. Пойди туда, не знаю, куда	289
§18. «А хороший автобус уехал без нас»	302
§19. Ты будешь точкой в моей жизни	324
§20. Вызов Арахны	336
§21. Как ветер становится синим	354
§22. Свобода «от» и свобода «для»	369
§23. А что мне толку думать про будд?	380
§24. Две инициации	395
§25. Осознанное забвение	413

«...КТО УЗНАЁТ ДАО, ПОХОЖ НА ТЁМНОГО;
КТО ПРОНИКАЕТ В ДАО, ПОХОЖ НА ОТСТУПАЮЩЕГО;
КТО НА ВЫСОТЕ ДАО, ПОХОЖ НА ЗАБЛУЖДАЮЩЕГОСЯ»

— ЛАО ЦЗЫ.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Признаюсь: я не хотел писать эту книгу. Слишком сложное это дело — оставаться искренним и не допустить ни слова лжи, когда речь заходит о пределах нашей реальности. Слишком велико искушение домыслить, исказить или перевернуть, а кое о чём и вовсе побояться сообщить, потому что там, за пределами, начинается алхимия, а она невыносима для нашего сознания. Но я был связан обещанием записать всё, что произошло, и именно так, как произошло, так что никакого выбора у меня не оставалось. Я обещал это Веронике в тот день, когда наши пути разошлись.

Поэтому я сразу раскрою все карты, рискуя разочаровать читателя.

Эта книга — история об алхимическом мифе, который становится реальностью только тогда, когда сама реальность становится частью мифа. Как и любой алхимический текст, она написана языком образов, в котором не существует лжи, а есть только слова истины и пустота между ними. Поэтому здесь, уважаемый читатель, всё чистая правда: каждое слово, каждое событие и каждый эпизод, даже несмотря на то, что повествование порой оказывается подобно лисице, запутывающей собственный след.

Но чтобы выследить лисицу, нужно самому стать лисицей. В привычном нам мире причин и следствий невозможно верить всерьёз, что ветер может быть синим, а тело — становиться светом звёзд, но таков язык образов, и именно потому, что такова реальность алхимии. Истина тут оборачивается ложью, а ложь становится истиной, и лишь пустота между словами остаётся

неизменной. Поэтому всё в этой книге — несомненная выдумка, ведь лисица с самого начала запутала свой след и спрятала все смыслы в пустоте.

Наивный примет рассказанную здесь историю за чистую монету — и будет прав. Скептик увидит лишь литературный вымысел, и также будет прав. Циник поставит автору диагноз — и тоже окажется прав! И тем не менее, все трое ошибутся, не будучи способными распутать лисий след. Не ошибётся только лишь тот читатель, который умеет верить не веря. Он чувствует границы своей обусловленности и знает, что так просто за них не выйти, и потому способен воспринимать слова не умом, но сердцем. Он умеет слушать пустоту, и у него есть шанс уловить в этой истории эхо знания, которое, возможно, перевернёт всю его дальнейшую жизнь.

Вечерним вьюнком
Я в плен захвачен... Недвижно
Стою в забвѣти.

— МАЦУО БАСЁ.

§0. СИАМ ПОБЕЖДѢННЫЙ

Вероника ворвалась в мою жизнь совершенно неожиданно. Произошло это в Пномпене, столице далёкой Камбоджи. Мы встретились тёплым январским вечером на набережной Сисоват, где рано или поздно оказывается каждый бродяга, ступивший на кхмерскую землю. К моменту нашего знакомства Вероника уже год странствовала по Юго-Восточной Азии, перебиралась из города в город, но нигде подолгу не задерживалась. Типичная одиночка, она избегала дружелюбных бэкпэкерских компаний, но не была похожа и на тех занятых духовными поисками личностей, что ищут посвящения в эзотерические тайны Востока. Она была сама по себе и шла своим собственным путём, едва ли похожим на пути людей, стремящихся что-то получить от мира.

На момент нашего знакомства Веронике было тридцать шесть лет, хотя не выглядела она даже на тридцать. Совсем маленькая — она едва доходила мне до плеча, скорее хрупкая,

чем худошавая, с выразительными тёмно-зелёными глазами и очень противоречивым нравом. Вероника обладала редким умом и умела быть хитрой до коварства, удивительным образом оставаясь при этом неизменно искренней. Умиротворённая и спокойная, она временами вдруг взрывалась вспышками чувств, проживала их до самого дна и тут же снова становилась безмятежной.

Вероника не казалась ни счастливой, ни несчастной — она как будто обитала в параллельной человеческому счастью реальности. Каждый её взгляд, движение и слово источали жизнь, но при общении с ней невозможно было отделаться от ощущения, что на самом деле она живёт в запредельной пустоте и одиночестве.

— То огонь, то лёд, то пушинка, то скала... Где ты настоящая? — спросил я её однажды.

— Я — всё, — коротко ответила она, бросив на меня свой особенный взгляд, в котором действительно читалось это «всё».

Четыре месяца, проведённые с Вероникой в путешествии по Камбодже, превратились в целую отдельную жизнь. Мы были словно одной породы, и это объясняло многое. Чаще мы молчали, чем говорили, а когда говорили, то важнее были не слова, а паузы тишины, через которые между нами выстраивались невидимые мосты. Мы проникали в сны друг друга и вспоминали прошлое друг друга. Порой мне казалось, что мы исполняем никому не ведомый танец среди призрачных теней древних, заброшенных святилищ, под тихую музыку, которая значительно старше человеческого рода. Мы стояли спиной к спине, когда танцевали, потому что танцевали мы в зазеркалье. Таков был путь, по которому шла Вероника, и на который было суждено ступить и мне. Она называла его путём зова, а иногда — путём нерождённых.

Вероника обладала знанием, но знание это было глубоко архаичным, не похожим ни на что из того, что было известно мне. Время от времени я пытался обнаружить в её воззрениях что-то общее то с шаманизмом, то с мистикой и эзотерикой, то с чем-то ещё, но она неизменно смеялась над моими попытками и искренне не понимала, зачем мне это надо. Она утверждала, что каждый из нас обладает непосредственным знанием себя Настоящего, и это знание можно лишь вспомнить в себе. Она называла это алхимией и говорила, что ей просто нравится это слово.

Ещё она говорила, что такого рода знание не передаётся через слова, потому что обитает за пределами ума. Это знание нельзя услышать, пока оно заколдовано и спит, но если его расколдовать, оно пробуждается и возвращает человека к себе — Настоящему.

Её слова я долго не воспринимал всерьёз, но это не значило ровным счётом ничего. Те практики, которым Вероника с поистине лисьей хитростью обучала меня, самым сокрушительным образом влияли на всю мою реальность. Они не только разрушали привычную мне картину мира, но и непредсказуемо меняли саму мою жизнь. Происходило это незаметно, исподтишка, и когда я вдруг понял, что всё зашло уже слишком далеко, то потребовал, чтобы Вероника ясно и без любимых ею околичностей объяснила мне суть учения, в которое меня втянула.

Она долго смеялась, словно я попросил её о чём-то совершенно нелепом, а потом сказала:

— Никакого учения на самом деле нет, просто тебя поймал путь зова. Всё, что я могу тебе сказать — это то, что путь зова есть наша первопричина, основа каждого из нас. Он существует до нашего рождения и продолжается после смерти. Путь зова ведёт нас к себе Настоящим, и он не имеет ни конца, ни цели.

А называется он так потому, что мы идём в направлении к себе Настоящим, следуя зову в своём сердце.

— Ты имеешь в виду интуицию или внутреннее чутьё? — уточнил я.

— Нет, — покачала головой Вероника. — Я ведь уже говорила тебе, что всё внутреннее в нас — это иллюзия, а полагаясь на иллюзию, мы теряем путь. А всё внешнее — всего лишь сновидение внутренней иллюзии, и полагаться на него было бы вдвойне глупо.

— И как же быть? — я недоумённо приподнял брови.

— Обнаружить в себе состояние, в котором сердце слышит зов. Зов сердца обитает за пределами внешнего и внутреннего, у него своя, отдельная реальность, и это реальность парадоксов. Хочешь пример?

Я с любопытством посмотрел на неё.

— Ты не услышишь зов, пока не вознамеришься его услышать, — улыбнулась Вероника. — Но также ты не услышишь зов, пока намереваешься его услышать.

Я потряс головой, словно пытаюсь вытряхнуть из ума это противоречие, от которого почему-то повеяло тоской полярной ночи. Вероника сказала:

— В таких головоломках и скрыта суть пути. Когда ты найдёшь свой собственный ответ на эту загадку, ты начнёшь слышать зов и обнаружишь путь к себе Настоящему.

Тогда я не понял ровным счётом ничего и даже разозлился на Веронику, решив, что она продолжает морочить мне голову. Только через год с лишним я осознал, что на самом деле она давала мне ключ от потайного хода, ведущего за пределы всего, что я знал о мире.

Начав писать эту книгу, первое, что я вспомнил и пережил заново — это момент, когда мы расстались. Был тёплый май-

ский вечер. Мы сидели на берегу реки Сием Рип, солнце уже клонилось к закату, а передо мной маячило совершенно неопределённое будущее. Неопределённое потому, что я разучился жить так, как умел всегда, но ещё не научился жить по-новому. Вероника сказала тогда:

— Ты — единственный из людей, кто узнал моё истинное имя. Скоро ты забудешь всё, что с тобой произошло, но заново вспомнишь где-то через год. У меня к тебе просьба: пообещай, что когда это произойдёт, ты запишешь всю нашу историю, искренне и ничего не утаивая. Не спрашивай, пожалуйста, зачем — просто сделай это.

Я пообещал.

Мы долго молчали, глядя на мутную воду реки, и я всё ждал, что вот-вот проснусь, подивлюсь причудливости сновидения, может быть, даже попытаюсь его понять, и вскоре забуду, как и любой другой сон. Вероника почувствовала моё настроение и слегка толкнулась локтем: «Не грусти». Я попытался улыбнуться. Не получилось. Оба мы знали, что наше время подходит к концу, и говорить об этом не было никакого смысла.

— Сием Рип означает Сиам побеждённый, — наконец нарушила она тишину.

— Кем побеждённый?

— Кхмерами, очевидно. Но я не о том. Чтобы обрести себя Настоящего, нужно оказаться побеждённым.

Я вдруг почувствовал, что сильно устал. Нахлынула печаль, такая пронзительная, что все мысли исчезли, и я ясно ощутил едва слышную мелодию где-то глубоко внутри себя. Мы встали, поцеловались и крепко обняли друг друга. Я помню, как Вероника плавно, словно в замедленной съёмке, перешла мост, помахала мне рукой и скрылась за поворотом. Как мне тогда казалось — навсегда.

А потом я начал стремительно забывать. Память словно что-то стирало ластиком, но я этого даже не замечал. Уехав из Камбоджи, я вернулся домой в тихий прибалтийский Вильнюс и погрузился в бесконечный круговорот осёдлой жизни. Я много работал, много общался, был увлечён внезапно появившейся новой влюблённостью, — в общем, эмоций и впечатлений хватало, и камбоджийская история быстро заняла рядовое место среди прочих событий моего прошлого. Саму Веронику я уже почти не вспоминал.

Но её предсказание сбылось.

Ровно через год после того, как наши пути разошлись, я узнал, что же на самом деле происходило тогда между нами, и кем Вероника была в действительности. И это разрушило всю мою вот-вот наладившуюся жизнь.

В тот злополучный день я вернулся домой после недолгой поездки в Москву. Поездка оказалась неудачной, так что я пребывал в весьма мрачном расположении духа. Зайдя в квартиру, я бросил вещи и проследовал на кухню, собираясь сварить кофе — хотелось поскорее прийти в себя с дороги. Пока я возился с туркой, за окном послышался какой-то шум. Я обернулся. Там, уцепившись когтями за откос, сидела большая чёрная ворона и смотрела на меня круглым наглым глазом. Я зачем-то соорудил ей рожу. В ответ птица раскрыла клюв, издала отвратительный звук и, взмахнув крыльями, исчезла.

По коже неприятной волной прокатилось ощущение, будто ворона принесла с собой зловонную слизь и выплеснула её прямо мне в душу. «Прошлое чудовищно реально» — запульсировала в голове тревожная мысль. Стало муторно и холодно, и настроение испортилось окончательно. Тогда я решил полежать в горячей воде и что-нибудь почитать. Залез в ванну, отхлебнул кофе, закрыл глаза, и...

...прямо на меня, пристально, бездонным взглядом, в котором не было ничего человеческого, смотрела Вероника. Её образ был настолько реалистичным, что я мог разглядеть каждую веснушку на её загорелом лице. В ушах пронзительно зануло, я открыл глаза и замотал головой. Видение исчезло, хотя чувство, что Вероника присутствует прямо около меня, продолжало усиливаться с каждой секундой.

Мне стало не по себе, но любопытство взяло верх. Я снова закрыл глаза, уже сознательно намереваясь увидеть Веронику, но вместо неё вдруг возник яростный смерч, ворвался в моё сознание, подхватил его и вышвырнул прочь, — куда-то далеко за пределы того, что я всегда считал самым собой.

Когда я прожил одновременно словно десяток жизней от рождения до последнего вздоха, то наконец очнулся. Вода уже давно остыла. Меня пробирала крупная дрожь, но я не решался пошевелиться и лежал, уставившись бессмысленным взглядом в плитку над ванной. Больше всего сейчас я боялся дать оценку тому, что произошло, потому что любое другое слово, кроме ледящего душу «шизофрения», казалось жалкой попыткой спрятаться от истины.

Только что я вспомнил и заново пережил каждое мгновение, проведённое с Вероникой в той почти забытой уже поездке. Это было до предела сконцентрированное переживание на всех уровнях моего существования; я вспомнил каждый разговор, каждое чувство, каждое прикосновение, и весь этот шквал информации обернулся столетиями для моего восприятия. Однако по-настоящему пугающим был не сам факт столь многослойного погружения в прошлое; наиболее невыносимым оказалось то, что огромный пласт из пережитых заново событий был попросту стёрт из моей памяти. Я забыл большинство из того, что мы с Вероникой делали вместе, и эти чудовищные провалы в памяти

были залатаны столь искусно, что ни разу за целый год не обеспокоили меня своим наличием.

Это напоминало запрограммированную для определённых целей амнезию, и теперь я хорошо понимал эти цели. Знание, которое вырвалось из чёрных дыр моей памяти, несло такую угрозу для моего рассудка, что он ещё год назад заключил это знание в герметичную бутылку и похоронил где-то глубоко-глубоко, — так, чтобы о нём забыли не только ум, но даже чувства и тело. Однако теперь джинн был выпущен. То, что являлось моим «я», начало разваливаться на куски.

Я вспомнил, что однажды Вероника предупредила меня об этом.

— Память, — сказала она тогда, — это бездонный колодец, где водятся чудовища, способные убить одним взмахом хвоста. Человек забывает всё, что увидел на границе своей человечности. Иначе невозможно; иначе чудовища пожирают то, что человек так старательно охраняет и считает самым собой.

— Что это такое, граница человечности? — недоумённо спросил я.

— Место, где заканчивается человеческая идентичность. Дальше начинается сумеречная зона, и тот, кто попадает сюда, больше не воспринимает себя человеком. Чаще всего к этой границе мы подходим во снах, которые снятся изнутри других снов и которые потом полностью стираются из памяти. Но такие, как ты и я, стоят у этой границы постоянно, даже когда бодрствуют, и мы должны быть готовы в любой момент встретиться с безумием.

Я произвольно вздрогнул и воскликнул:

— Но почему?

— Мы сунули нос за границы, а всякий, однажды побывавший в сумеречной зоне, даёт обет вечного поиска, — пояснил

ла Вероника. — Отныне нам остаётся только одно: снова и снова нырять в колодец своей памяти, чтобы встречать всё новых чудовищ. Дальше и дальше погружаться в эту сумеречную зону, не оставляя попыток достигнуть самого дна и зная, что достичь его невозможно.

От её слов по спине пробежал озноб, и я тихо спросил:

— Поиск чего, Ника? И что потом, когда оно найдено?

И тогда она вдруг больно ущипнула меня за плечо и, зловеще сверкнув глазами, прошипела:

— Никогда не задавайся этими вопросами! То, что мы ищем, нельзя найти, пока о нём остаётся хоть малейшее представление. Никакого «что» и никакого «потом» нет. Мы ныряем в глубины памяти, они разрушают и возрождают нас заново, мы ныряем ещё глубже, и так продолжается всю жизнь. Поначалу это больно, но когда боль теряет смысл, она исчезает. Тебе ещё предстоит через это пройти, и, честно говоря, я тебе не завидую. Единственное, что я могу пожелать тебе — постараться не сойти с ума, когда всё это начнётся.

Теперь её слова подтверждались.

Следующие три недели я провалялся дома с высокой температурой, в лихорадочном полубреду, едва выныривая на поверхность. Врач диагностировал какой-то нетипичный грипп, назначил кучу лекарств, ни одно из которых не помогло. Я неконтролируемо погружался в прошлое, которое вырывалось из глубин моей — и моей ли? — памяти, переживал его снова и снова, всё сильнее запутывался в паутине снов, которые яркими вспышками врываются в моё сознание и обжигали его изнутри. Я плутал по своим снам из детства, по чьим-то чужим снам, по своим и чужим воспоминаниям, многократно испытывая ощущение дежавю и желая только одного: чтобы всё это наконец прекратилось.

Вероника стала постоянной гостьей в моих кошмарных сновидениях. Всё чаще она являлась мне оборотнем, живущим во множестве миров одновременно и тянущим меня в пучину безумия, всё глубже и глубже, — туда, откуда уже не было пути назад. В одном из своих бесконечных кошмаров я увидел, что там, в Камбодже, Вероника необратимо изменила мою судьбу. Она заложила в меня нечто, что проникло на самое дно моего существования, затаилось и окуклилось, а теперь вылупилось и пожирало всё вокруг. Я сопротивлялся изо всех сил, но это лишь усугубляло моё состояние.

— Когда ты возненавидишь меня, сделай это безупречно, — сказала Вероника ещё в начале нашего путешествия.

Я тогда искренне возмутился:

— Ника, я никогда не стану тебя ненавидеть, ты мне слишком дорога!

— Станешь. И ты напрасно так отвергаешь ненависть, ведь чистая ненависть так же прекрасна, как и чистая любовь.

Она произнесла эти слова так уверенно, словно точно знала не только то, что это неотвратно, но даже то, когда именно это произойдёт. В её улыбке читалась лёгкая грусть.

— Но зачем? — продолжал не понимать я.

— Чтобы я смогла найти тебя. Понимаешь, неважно, какой инструмент издаст нужный звук, важен только сам звук. Ты будешь звать меня через ненависть, я услышу и приду.

И вот теперь, когда я понял, что больше не могу бороться с подступающим безумием, и виной этому — Вероника, я испытывал отчаяние и бешенство. Как зверь, загнанный в угол, я собрался в последнем прыжке и обрушил на неё поток неистовой ненависти. Я возненавидел её всем своим существом, но, странное дело, — это было кристально чистое чувство, без обиды, уязвлённости и жажды мести. Вероника обернулась моим врагом,

и моя ненависть бросала вызов ей как врагу. И когда в бесконечной глубине этой звенящей ненависти я услышал неземную мелодию, то мгновенно узнал её. Это был зов.

Время внутри меня остановилось. Вероника пришла.

Она стояла за моей спиной, и я ощутил её дыхание — ровно между лопаток. А потом где-то в сердце я услышал её голос: «Следуй зову и не оборачивайся». Её ладони лежали у меня на висках, она медленно поворачивала мою голову, а перед моим взором проносилась вся прошедшая жизнь. Когда я увидел гигантский водоворот, куда уводила мелодия зова, то понял, что это конец. Вероника продолжала держать мою голову, помогая принять решение. Я задержал дыхание и... шагнул в водоворот.

Меня не стало.

В пустоте небытия не было ни памяти, ни мыслей, ни ощущений, — ничего, кроме покоя вечного мрака. От меня осталась лишь бесконечно малая точка, лишённая всего.

Через миллиарды лет где-то далеко прошелестело эхо: «Расскажи мне ту самую сказку...». Бесконечно малая точка дрогнула и замерла, не решаясь поверить в собственное существование. И тогда та самая сказка развернулась в предвремье гигантской мерцающей паутиной...

...когда Девочка заболела, приходила Лисица с лукошком княженики. Девочка ела ягоду и засыпала. Лисица пела песни, и Девочке снились лисьи сны.

Девять тысяч лет спала Девочка, а потом умирала. Тогда приходила Многоножка и забирала её сны.

«Под горами, под лесами, под оврагами лесными, глубже в землю, духам воля» — бормотала Многоножка и несла сны Шаманке.

Шаманка ждала полной Луны и набирала целое лукошко княженики.

«Отнеси Девочке» — говорила она и протягивала лукошко Лисице.

Лисица отправлялась в путь, и девять тысяч лет назад отдавала лукошко Девочке.

Девочка ела княженику и засыпала. Лисица пела песни, и Девочке снились лисьи сны...

Эта сказка была истинным именем Вероники. Оно окутало собой бесконечно малую точку, и это было первым прикосновением. Точка осознала себя существующей. Она сама стала мерцающей паутиной, своим чистым истинным именем, и между ним и именем Вероники не было ни границы, ни разницы — они были одним целым.

После второго прикосновения сквозь паутину истинного имени пролетел чуждый, пришедший извне ветер. Он посеял неотвратимость, и это был план судьбы. И тогда точка осознала себя отделённой. У неё появилась своя судьба.

Третье прикосновение произошло в нескольких реальностях сразу. Невыразимое тепло разлилось повсюду оранжевым светом, и точку окружило коконом её собственного «я». Это было моё «я», осознавшее себя живым и запёртым в самом себе.

Через мгновение я видел, где прямо сейчас находилась Вероника: она лежала возле огромной скалы, высоко-высоко в горах, пребывая в глубочайшем трансе. Моя ненависть проложила следы, по которым она нашла меня, провела сквозь умирание и воплотила заново. Я знал, что Вероника не раздумывая отправилась в путь, когда услышала меня, хотя прекрасно понимала, что могла никогда больше не вернуться обратно. Чувствуя

огромную благодарность, я прикоснулся к её губам и осознал себя человеком.

Моё перерождение завершилось.

Открыв глаза, я окинул взглядом свою комнату и едва слышно рассмеялся.

— Сиам побеждённый, ты говорила? — прошептал я в пустоту, и тут же ощутил между лопатками одобряющий укус Вероникиного внимания.

После этого я спал почти сутки, а проснувшись, обнаружил, что от болезни не осталось ни следа, — впрочем, как и от всего того, что когда-то я полагал самым собой. Моя реальность стала другой, но я не испытывал по этому поводу ни страха, ни сожалений, ни радости. Я оставался бесконечно малой точкой, помнящей состояние «до-я», и поэтому был мёртвым. Но одновременно я чувствовал себя невероятно живым и наполненным неведомым мне ранее многомерным смыслом. Наверное, я сошёл с ума, но это больше не имело никакого значения. Воспоминания, столь яростно разрушавшие мой разум в последние дни, обернулись бесценным сокровищем, ведь благодаря им я снова услышал зов и обрёл свой путь. Всё остальное было абсолютно неважно.

Паззл сложился. Теперь я знал, что произошло там, в далёкой Камбодже. Вероника непостижимым образом вложила в меня карту особого пути, — пути нерождённых, и у меня не оставалось никакого иного выбора, кроме как последовать ему до конца, через отречение от всего того, что я считал и когда-либо снова буду считать своим собственным «я».

Теперь мне нужно было выполнить данное Веронике обещание и изложить всю нашу удивительную историю на бумаге. Это оказалось непростой задачей, поскольку то, что исходило от Вероники, не опиралось на привычную мне логику. Её знание

было непоследовательным, хаотичным, иногда напоминало обрывки снов, но при этом парадоксальным образом содержало в себе гармонию целостности. Это знание обладало логикой сновидения. Оно проявлялось по спирали: с каждым новым витком оно уводило всё дальше от себя известного, но тем самым приближало всё ближе к себе — Настоящему.

Сложности добавляло и то, что Вероника, разъясняя свои представления и практики, старалась избегать общепринятых названий. «Переживание важнее понимания, поэтому не давай имён тому, что тебе непонятно. Жди, пока имена сами прорастут изнутри тебя. Не позволяй готовым названиям заморочить тебе голову, иначе попадёшь в ловушку чужого описания мира и перестанешь слышать своё сердце» — так говорила она.

Я встретил гонца на пути.
Весенний ветер, играя,
Раскрытым письмом шелестит.

— Кито Такаи.

§1. ЗНАКИ В РЖАВОЙ БОЧКЕ

— Ты должен вспомнить, зачем ты здесь, — потребовала Вероника. Она выразительно смотрела на меня тёмно-зелёными глазами, которые жили словно своей собственной, отдельной жизнью. Ещё вчера, как только мы познакомились, я заметил, какие странные у неё глаза, — казалось, что за ними прячется кто-то ещё, и сама Вероника вовсе не человек, а химера, хотя и весьма симпатичной наружности.

Но вот к характеру моей новой знакомой слово «симпатичный» относилось едва ли. С самого утра её настроение явно не задалось. Пока мы ждали автобус на полупустой улочке в центре Пномпеня, она сидела возле наших рюкзаков, угрюмо смотрела в одну точку и на все вопросы отвечала невпопад. Казалось, её что-то гнетёт, и я старался лишний раз не приставать к ней с разговорами. Но как только мы погрузились в автобус, Вероника оживилась и надела на меня, требуя сообщить ей, для чего я прибыл в Камбоджу. Моё честное «не знаю» её совершенно

не устроило, так же, как и «поездить по стране», «сменить обстановку» и «встретить тебя». Она настаивала, чтобы я вспомнил, а я не понимал, что тут можно вспомнить в принципе.

— Хватит, а? — я наконец не выдержал. — Говорю же — не знаю. Предлагаю считать, что я приехал из-за предчувствия.

— Какого предчувствия? — прищурилась Вероника.

— Ну что надо ехать и встретить тебя, — я протянул ей печенье, но она помотала головой и с упрёком сказала:

— Зачем врёшь? Перебери в памяти недавние события и вспомни. Пожалуйста. Мне это важно.

— Ладно, — проворчал я, глядя на её растрёпанные до плеч волосы. В лучах утреннего солнца они переставали быть каштановыми и приобретали лёгкий оттенок киновари.

— Ника, а тебе никто не говорил, что у тебя волосы цвета киновари?

Она впервые за утро улыбнулась и толкнула меня в бок.

— Вспоминай. Мне действительно нужен ответ.

Я откинулся на сиденье, закрыл глаза и принялся вспоминать вчерашнее утро.

Вчера утром я был ещё во Вьетнаме. Уже второй день наш катер шёл по Меконгу — Реке Девяти Драконов, как почтительно называли его сами живущие здесь вьетнамцы. Меконг впечатлял. Я сидел на корме, сощутив глаза от ветра и солнца, и всматривался в открывающиеся с воды виды. Вдоль берега, среди зарослей тропического леса, теснились обшарпанные лачуги на высоких сваях, а возле них протекала будничная рыбацкая жизнь. Вот старик в конической шляпе чинит лодку. Рядом что-то моет в реке миниатюрная вьетнамка, время от времени

поглядывая за возящимися на берегу детьми. Худой вьетнамец, похоже, отец этих детей, таскает к покосившемуся сараю какие-то мешки.

На воде покачивались узкие изогнутые лодки с изображёнными на носках драконьими глазами — это рыбаки вышли на промысел и добывали свой кусок хлеба. Я встретился с одним из них взглядом и помахал рукой. Он улыбнулся и приветливо замахал в ответ. Живут здесь бедно, но лица у людей удивительно безмятежны, и, похоже, они вполне счастливы.

Катер начал сбавлять ход. Мы подплывали к границе с Камбоджей, и водная часть нашего пути подходила к концу. Вообще-то предполагалось, что катер пойдёт прямо до камбоджийской столицы, Пномпеня, но он то ли сломался, то ли не мог следовать дальше из-за сезонного обмеления реки. Ни я, ни мои попутчики почти ничего не поняли из сбивчивых объяснений капитана, но всем было ясно одно: дальше нас повезут по земле. Было жаль, но Азия есть Азия — подобные накладки здесь мало кого удивляют и воспринимаются как должное.

Вьетнамскую границу мы прошли быстро, после чего нас отвели к микроавтобусу и пожелали счастливого пути. Мы, девятёро белых с большими рюкзаками, вторые сутки объединённые общей дорогой из Сайгона в Пномпень, не без труда втиснулись в него и вскоре тряслись по разбитой дороге в сторону хмёрского погранперехода. Я высунулся в окно, окинул взглядом удаляющийся Вьетнам и помахал на прощанье рукой. Уезжать не хотелось совсем.

Не прошло и десяти минут, как мы прибыли. Камбоджийский погранпункт был совсем новым и впечатлял своей ухоженностью. Пройдя каменный забор красивого охристого цвета, мы миновали пальмовую аллею и оказались перед большой статуей Будды, стоявшей под роскошным навесом. Сразу становилось

понятно, что Будду в стране кхмеров почитают искренне. Визы оформляли в соседней постройке, куда мы и сдали паспорта. Пограничники были весьма дружелюбны, но непреклонны в своей медлительности, так что оставалось только запастись терпением и ждать.

Ждать пришлось долго. Солнце уже припекало вовсю, говорить не хотелось, так что все мы разбрелись по территории и устроились кто где в затенённых уголках. Я сел на траве в тени развесистой пальмы и принялся наблюдать за своими попутчиками, вспоминая, зачем каждый из них едет в Камбоджу. Вон те французы в одинаковых майках с Хо Ши Мином собираются дальше на острова. Датчанин, обладатель серебристой бородки, похожий на репортёра из National Geographic, намеревается посетить какие-то развалины, куда редко добирается белый турист. А Бранка, долговзаяя блондинка из Словакии, которая сейчас сидит возле Будды и что-то разглядывает в своём фотоаппарате, хочет поехать по стране и посетить курс випассаны* в городе с мудрёным названием, которое я не запомнил.

«А я? Что здесь делаю я?» — навязчиво засвербило в голове. Внятных ответов не находилось. Всего несколько дней назад я прекрасно проводил время в Сайгоне, собирался продолжить путешествие по южному Вьетнаму, и покидать эту страну в ближайшие месяцы никак не планировал. Но вдруг на меня что-то нашло, и я неожиданно решил уехать. Зачем?.. Я не имел ни малейшего понятия. Ладно. Пускай всё это звучит странно, но в Азии подобное иногда случается.

В кармане обнаружился пакетик с кокосовыми конфетами, и я, шурша обёрткой, принялся разворачивать одну. Лежащий неподалёку рыжий пёс лениво наострил уши, тяжело встал и

* Випассана — одна из методик многодневной буддийской медитации.

побрёл в мою сторону. Улёгся рядом, шумно и с подчёркнутым страданием вздохнув. Я протянул ему конфету. Пёс поводит носом и, не поднимая головы, вздохнул снова.

— Ну как хочешь, — сказал я и принялся жевать конфету сам. — Понимаю твоё страдание, сам маюсь. У вас тут всегда всё так медленно?

Пёс закрыл глаза и задремал.

Потом я опять бродил по пальмовой аллее, слушал рассказ датчанина про затерянную в джунглях пирамиду смерти, болтал с Бранкой про махаяну и тхераваду* и в конце концов снова вернулся под пальму. Пора было и мне определяться, что делать дальше, потому что полное отсутствие планов начинало уже здорово беспокоить. Скоро нам раздадут паспорта, через несколько часов мы будем в Пномпене, я найду гестхаус, поселюсь в нём на ночь или две, а дальше?

Но чем сильнее я думал, тем больше ускользало от меня это самое «дальше», потому что дальше мне не хотелось ничего. Я чувствовал себя птицей, которая может лететь, куда захочет, но поскольку она не понимает, чего хочет, то и не знает, куда же ей всё-таки лететь. Помучившись с полчаса и так ничего и не решив, я махнул рукой: раз события не хотят проявляться, не буду их торопить — авось всё уладится само.

— Ну? Вытащил что-нибудь из анналов своей памяти, или ты заснул? — Вероника выдернула меня из потока воспоминаний, нетерпеливо потолкавшись локтем. Протянула коробочку с семенами лотоса: — Угощайся.

* Махаяна и тхеравада — два направления буддизма.

— Анналов! — усмехнулся я, взял семечко, напоминавшее недозревший жёлудь, и принялся очищать от кожуры. — Нечего там вытаскивать. Просто так я приехал, сам не знаю, зачем.

Автобус слегка покачивало. Я заглянул через Веронику в окно. Мимо пронеслись заросли низких пальм, похожих на птичьи хохолки, возле дороги кучковались дома, а где-то вдалеке выныривали из тумана и прятались обратно высокие холмы с зелёными нахлёстами тропического леса. Красиво. Дорога к Сиамскому заливу, куда мы уезжали сейчас из шумного Пномпеня, оказалась гораздо живописнее, чем я предполагал.

— Что значит «сам не знаю, зачем»? — Вероника с недоумением посмотрела на меня. — Тогда вспоминай снова!

— Ты что, смеёшься? — удивился я. — Я тебе говорю — просто так я приехал.

Она хлопнула меня по плечу и заявила:

— Просто так — это здорово. Только ты врешь и что-то от меня скрываешь.

Она не улыбалась, и ни в её голосе, ни во взгляде не было даже намёка на шутку.

— Чего скрываю? — опешил я.

Вместо ответа Вероника так недобро и подозрительно посмотрела на меня, что я поёжился.

— Послушай, — выразительно произнёс я, — три дня назад я даже не думал никуда ехать. Сидел себе в Сайгоне. Что ты ко мне прицепилась?

Непонятно почему, но эти слова разозлили Веронику. Подозрительность во взгляде сменилась убеждённой, и она с едва слышной угрозой прошипела:

— А ведь ты даже не понимаешь, кому врешь...

— Ника, прекрати, — я поёжился от того, что на мгновение мне показалось, будто из-под ног ушла почва.

— Это ты прекрати врать, — её голос стал совсем змеиным. — Прекрати прятать то, что забыл. Вспоминай, что забыл!

«Ничего себе требование!» — ошеломлённо подумал я и воскликнул:

— Ника, ты вообще себя слышишь? Ты хочешь от меня чего-то странного!

Она опять пихнулась локтем, в этот раз достаточно больно, и скандально заявила:

— Весь извертелся, как уж на сковородке. Я просто хочу, чтобы ты прекратил мне врать!

Это было уже слишком. Мало того, что я был с ней совершенно откровенен, так ещё даже суток не прошло, как мы познакомились, а она уже вот так: злится, требует чего-то, — и никак-то такта.

— Врать?! — возмутился я.

— Скажи, — Вероника зло прищурилась, — а ты всегда начинаешь общение с вранья, или это только мне выпала такая честь? А может, потому ты и путешествуешь один?

Я раскрыл рот от такой вопиющей бестактности и негодуя-ще произнёс:

— Послушай, а ты не нарушаешь ли границы?!

— Чего-о? — противно протянула она. — Какие ещё границы?

— Мои, Ника!

Вероника окинула меня таким брезгливым взглядом, словно перед ней было говорящее насекомое.

— Ах, скажите пожалуйста, какая нежная душевная организация! — она отвратительно, по-подростковому фыркнула. — Священные границы его нарушили! Любопытно было бы узнать, а что за сокровища за ними спрятаны?

Чувствуя, как к скулам приливает кровь, я собрал волю в кулак и подчёркнуто спокойным тоном произнёс:

— Ника, я не хочу ссориться. Чего тебе от меня надо?

И тут она, яростно сверкнув глазами, вдруг заорала:

— Да ты издеваешься, что ли?! Или у тебя память, как у аквариумной рыбки? Я десять раз повторила: мне надо, чтобы ты вспомнил! Вспоминай! Вспоминай, что ты чувствовал и забыл! И не смей мне врать!

Вероника верещала так, что сидящая впереди нас девица обернулась и окинула её испуганным взглядом. Я машинально вжался в кресло. Эта выходка настолько не вмещалась в рамки моих представлений об адекватности, что я, вытаращив глаза, смотрел на свою взбесившуюся попутчицу, не в силах произнести ни слова. «Бешеная баба!» — только и думал я, с сожалением понимая: в Вероникиной голове оказалась не только та милая безуминка, что так очаровала меня вчера. Вчера Вероника была остроумна, весела и просто само обаяние; к тому же, она была симпатична именно так, как особенно нравилось мне, так что я умудрился привязаться к ней всего за несколько часов. И, разумеется, я ожидал от нашей располагающей к близкому общению поездки чего угодно, но только не ссор, скандалов и выяснения даже не начавшихся ещё отношений.

А Вероника и не думала останавливаться. Она скинула бо-соножки, устроилась с ногами на сиденье и принялась сверлить меня таким взглядом, словно мы прожили вместе уже десять лет, и всё это время я был ей костью в горле.

— Ты меня достал! — снова заверещала она. — А ведь и часа не прошло! Ты всегда такой упёртый? Вспоминай! Вспоминай, что ты чувствовал. Вспоминай, что забыл!

Она нервно заёрзала, поправляя шорты, случайно задела меня локтем по лицу, и тут я по-настоящему разозлился.

— Слушай, ты! — я собрался было как следует огрызнуться, придумывая на ходу что-то оскорбительное, но в последний

момент остановился. В памяти, вероятно от злости, всплыл недавний случай, о котором я вряд ли стал бы рассказывать при других обстоятельствах, тем более — интересующей меня девушке. Но раз Вероника решила со мной так жёстко играть, пускай теперь пеняет на себя. «Будет тебе хвост за хвост!» — мстительно подумал я, перевёл дух и, уставившись на её загорелую коленку, вкрадчиво начал:

— А ведь ты права... Кое-что я чувствовал вчера на кхмерской границе. Там был грязный уличный сортир с дыркой в полу, а рядом, вместо умывальника — ржавая бочка. Я случайно заглянул в неё, а там — мутная жижа с тиной, и гниль плавает по поверхности, и всё это страшно смердит. А теперь представь, что к тебе ластится пушистый котёнок. Рука ведь сама потянется его приласкать, правда? Вот и я испытал похожий позыв, только наоборот: страшно захотелось ощутить омерзение кожей. Рука сама потянулась в бочку, я и не стал сопротивляться и сунул её в жижу прямо по локоть. И вот стою, смотрю на своё отражение и чувствую — вот-вот начну плевать. Вынимаю руку, а за ней тянутся чёрные сопли, обволакивают её, съеживаются на жаре, прикипают к коже, и — вонь от руки, тошнотворная вонь.

Я взглянул на Веронику, предвкушая обнаружить на её лице признаки когнитивного диссонанса или хотя бы естественного человеческого отвращения, но оно хранило совершенно непроницаемое, натурально индейское выражение. Только плотно сжатые губы да озорные искорки в глазах выдавали, что сейчас Вероника с трудом сдерживает смех.

— А зачем ты это сделал? — бесстрастно спросила она.

— Скучно было, — пожал я плечами.

— Мм. А ты из той бочки точно не пил?

— Не пил! Так что можешь не бояться есть со мной из одной миски, Ника!

— А... — Вероника хотела сказать что-то ещё, но вдруг захохотала так, что девица впереди нас снова обернулась и с изумлением посмотрела на неё. Несоответствие между только что произошедшей вспышкой ярости и беззаботностью теперешнего смеха настолько выбило меня из колеи, что я тут же забыл о своём раздражении и неуверенно рассмеялся вслед за ней.

— И ты ещё заявлял, что это я хочу странного! — давясь от хохота и утирая слёзы, всхлипывала Вероника. — Сунуть руку в дерьмо, потому что было скучно! Да ещё сравнить это с пушистым котёнком... А я тебя недооценила!

Она вытянула руку и прошлась взглядом по предплечью, явно пытаясь представить, что я чувствовал, после чего зашлась в новом приступе хохота. Её смех показался мне вдруг таким притягательным и родным, что стало очевидно: несмотря на все её дикие выходки, я очарован этой странной девушкой, невесть как встретившейся мне на пути.

И тут в моей голове молнией пронеслось ещё одно воспоминание. Там, возле ржавой бочки, произошло кое-что ещё, что сейчас заставило меня вздрогнуть, и почему-то я был уверен, что именно это пыталась раскопать в моей памяти Вероника. Я подождал, пока она придёт в себя, и сказал:

— Послушай, я вспомнил кое-что ещё...

— Не-ет! — простонала она, пряча мокрое от слёз лицо в ладонях. — Хватит, пожалуйста!

— Я серьёзно, Ника. Прозвучит, конечно, как бред, но... Когда я смотрел на своё отражение в бочке, мне показалось, что за моей спиной кто-то есть. Кто-то стоит позади меня и тоже смотрит в воду, только голова у него не человечесья, а собачья. И смотрит не просто так, а прямо мне в глаза — через отражение. Тут же печаль накатила, пронзительная, как будто всю скорбь мира ощутил. Только я собрался было обернуться, как всё исчезло, —

и собакоголовый, и печаль, как будто, знаешь... марево какое-то развевалось. И всё это сразу выпало из памяти. Вот руку в бочке помню, а этот эпизод как ластиком стёрло...

Вероника вдруг вся как-то разом просияла.

— Вот теперь ты искренний! Теперь ты наконец не врёшь! — воскликнула она, глядя на меня с таким восторгом, словно только что я выполнил какое-то сложное задание.

Я в очередной раз поразился, насколько резко и быстро менялось её настроение, как будто переключались тумблеры: едкий сарказм, злость, хохот до слёз, и вот теперь — неподдельный восторг.

— Послушай, а ты всегда такая... многогранная? — озадаченно спросил я.

— Ты хочешь сказать, взбалмошная? — Вероника довольно улыбнулась. — Я могу быть всякой. Но с тобой же мне не надо притворяться, правда?

Чего-чего, а непосредственности ей было не занимать, и это, конечно, здорово импонировало.

— Ну да... только привыкнуть бы, — неуверенно усмехнулся я. — А что такого ты увидела в моей собакоголовой галлюцинации? Она же была спровоцирована жарой да ещё тем, что вокруг вилась стая симпатичных псов, а собак я вообще очень люблю.

— А вот сейчас стоп! — Вероника слегка дотронулась до моей руки. — Не надо обесценивать нелепыми объяснениями то, что с таким трудом вырвал из лап памяти. Собакоголовый — это знак.

— Знак?

— Ну да, знак. Ты веришь в знаки?

Я пожал плечами.

— Не знаю, наверное. А почему ты думаешь, что это знак?

— Потому что с ним пришла печаль, которая, как ты сказал, «вся скорбь мира». Знаки всегда сопровождаются такими внезапными вспышками чувств. Ты что, не знаешь?

— Откуда же мне это знать? — удивился я.

Вероника округлила глаза.

— А как же ты отличаешь знаки от фальшивки? Как определяешь, где знак, а где совпадение с твоими желаниями или страхами, которое просто хочется принять за знак?

Я замялся, поскольку никогда не думал об этом в таком ключе. Помолчав немного, я спросил:

— И что означал этот знак?

— Ты что, вообще ничего не понял? — Вероника продолжала изумлённо смотреть на меня. — Он отвечал на вопрос, зачем ты прибыл в Камбоджу. Ты приехал за тем, кого давно знаешь, но с кем до сих пор ещё не знаком.

Мне показалось, что сейчас она кокетничает и имеет в виду себя.

— Я же говорил, что приехал за тобой! Как только мы познакомились, у меня сразу возникло ощущение, будто знаю тебя сто лет, и мы... — воодушевился было я, но Вероника тут же перебила меня:

— Прекрати! Думаешь, я тут загадочность напускаю, чтобы пофлиртовать? Сейчас погоди, кое-что увидишь...

Она потянулась за рюкзаком, покопалась внутри и вытащила потрёпанный блокнот для зарисовок. Быстро перелистав несколько страниц, протянула его мне.

— Вот, наслаждайся.

Это был карандашный рисунок, изображавший фонтанчик с покрытой рябью водой, по которой плавали замысловатой формы цветочные лепестки. Сперва мне показалось, что лепестки разбросаны хаотично, но уже в следующий момент стало ясно:

они образуют контур собачьей головы, повёрнутой в три четверти и смотрящей на меня из воды.

Я вздрогнул. Это был тот же силуэт собакоголового, что придумался мне в ржавой бочке! Невероятным образом на рисунке была передана самая суть собакоголового, причём с такой точностью, что даже взгляд его несуществующих глаз был столь же манящим, каким тогда ощущал его я. Немедленно вслед за этим спазм уже знакомой печали заставил меня замереть. Вся скорбь мира опять навалилась многотонной плитой, сдавила грудь и внезапно исчезла, не оставив ни следа.

Я бросил рассеянный взгляд в окно, машинально отметив, что ряды пальм кончились, и теперь мы проезжаем мимо рисовых полей. Потом снова вернулся к рисунку. Сомнений не осталось: это был тот же собакоголовый и тот же спазм печали.

Я повернулся к Веронике и наткнулся на её пронзительный взгляд. Она так пристально смотрела куда-то вглубь меня, что её выцветшие на солнце ресницы, казалось, дрожали от напряжения. По моей спине пробежал озноб, и я пробормотал:

— Это ты нарисовала?

Она кивнула.

— Когда?

— Неделю назад, ещё в Лаосе.

— Но как?! Ты нарисовала то же самое, что я увидел в бочке! — воскликнул я.

— Знаю, — Вероника задумчиво провела своими длинными пальцами по рисунку. — Этот фонтан располагался недалеко от дома, где я жила, и я ходила к нему, когда хотела побыть в уединении. В ту ночь я пришла туда на рассвете. В воде плавали какие-то лепестки, и только я присела на ступеньку, как подул ветер, и они сложились в силуэт собачьей морды. А сквозь меня прошла такая пронзительная печаль... Впрочем, тебе известно,

какая именно. Я зарисовала того, кого увидела, и назвала его Лепесточным псом.

— Но... как такое может быть? — я потряс головой.

— Я не знаю, — мягко сказала Вероника. — Рисовала я долго, несколько часов. А потом остановила мысли, и перед моими глазами возник город. Это был Пномпень. Я знала это точно, хотя никогда раньше в Пномпене не была. На следующий день я собрала вещи и уехала туда.

Я снова посмотрел на рисунок. Одинаковый образ пса, одинаковая печаль, а я не сомневался, что наша с Вероникой печаль была одного рода, превращали это совпадение в событие, до краёв наполненное иррациональным, непонятным и от того пугающим смыслом. Я потёр руками виски.

— Это не случайное совпадение, Ника...

— Разумеется, — пожала она плечами. — Это синхрония.

— Синхрония? События без причинно-следственной связи, но объединённые общим смыслом? — я вспомнил, что когда-то читал об этом целую книгу.

Вероника кивнула.

— Теперь понимаешь? Нас свели знаки, которые указали на одно и то же. Они указали на того, кто поджидает нас обоих за ближайшим углом.

— Кто поджидает? — я похолодел.

— Ну как кто? — в Вероникином голосе послышалось нетерпение. — Лепесточный пёс нас поджидает. Ну или собакоголовый, как ты его назвал.

— А... он кто?

— Вот скоро ты сам его об этом и спросишь.

— Э нет, так не пойдёт! — воскликнул я. — Говори, что ты от меня скрываешь?

Вероника развела руками.

— Ничего не скрываю. Просто я пока не знаю, кем он окажется для тебя.

— А для тебя?

— А для меня он — сверхъестественная сущность, родственная моему проводнику.

— Какому ещё проводнику?

— В царство мёртвых, — туманно усмехнулась Вероника.

Я занервничал.

— Ника, ты можешь объяснить нормально? Мне сейчас совсем не до шуток!

Она слегка прищурилась и сказала:

— Нормально? Ни одно из моих объяснений не покажется тебе нормальным, так что давай оставим эту тему.

Но так просто оставить это я не мог и принялся лихорадочно соображать. Серьёзно относиться к каким-то проводникам в царство мёртвых было, разумеется, невозможно, однако и проигнорировать вскрывшиеся совпадения не получалось. Я буквально кожей чувствовал, что Вероника что-то знает про всё это, и знает достаточно, чтобы не особенно-то удивляться происходящему. Но почему она скрывает это от меня? Я попробовал зайти с другого бока и спросил:

— Ты действительно уехала из Лаоса только потому, что что-то там увидела в фонтане?

— Да, — кивнула она. — Потому что это «что-то там» было знаком. Я так живу.

— Как «так»?

Вероника встряхнула волосами и улыбнулась.

— Следую знакам и ничего не планирую.

— В смысле? Ты про какие планы? — не понял я.

— Про все. И про жизненные, и про сиюминутные. Когда начинаешь следовать знакам, не то что не знаешь, что ждёт тебя

за поворотом — не знаешь даже, когда появится сам поворот. Сам понимаешь, что любое планирование в таких условиях совершенно бессмысленно.

Моё воображение немедленно нарисовало, каково это жить вот так — в неопределённости, без планов на будущее, не зная, что случится в следующий момент. Сначала я решил, что это невозможно — так люди не живут. Однако Вероника говорила об этом настолько спокойно, а в её взгляде читалась такая искренность, что пришлось признать: похоже, она действительно так жила. И мне это совершенно не понравилось.

— Знаешь, мне даже не хочется представлять такую жизнь, — честно признался я. — И этот твой Лепесточный...

Вероника удивлённо вскинула брови.

— Не хочется — не представляй. А что Лепесточный? Ты его уже боишься?

— Но ты же не серьёзно мне эти сказки рассказываешь?

Она вдруг вплотную приблизилась ко мне и зашептала в самое ухо:

— Верно, это сказки. Но ты никуда не денешься от того факта, что мы вляпались в одну и ту же сказку. А ведь сказка запросто может становиться былью. Хочешь ещё? Собакоголовый — это не всё, что ты забыл. Например, кое-что случилось накануне твоего отъезда из Вьетнама...

Не успела она закончить свою речь, как в моей голове что-то щёлкнуло, и события последних дней выстроились в единую цепочку. Я как на ладони увидел причину своего поспешного отъезда из Сайгона, а точнее — заново пережил ключевой эпизод, который необъяснимым образом оказался стёрт из моей памяти.

— Я вспомнил! — судорожно вздохнул я и начал подробно рассказывать о нём Веронике.

В тот вечер мне захотелось жареной рисовой лапши. Это простейшее и традиционное для южного Вьетнама блюдо предлагалось повсюду в многочисленных забегаловках, так что я, недолго думая, отправился в ближайшую из них.

Сидя на улице на низкой табуретке перед таким же низеньким столиком, я пил ароматный и густой, как нефть, вьетнамский кофе и ждал, пока мне приготовят лапшу. Мимо сновали люди, но я их почти не замечал, задумавшись о чём-то своём. И вдруг моё внимание привлёк старый вьетнамец, появившийся в конце улицы. Судя по его обветренному лицу, изборождённому глубокими морщинами, и широкополой конической шляпе, он был откуда-то из деревни. Старик шёл неторопливо, без суеты, словно зная, что каждый его шаг может стать последним. Когда он поравнялся со мной, наши взгляды пересеклись, и... я как будто прикоснулся к его судьбе, а весь её груз стал на мгновение моим.

Сразу сделалось не по себе от того, что в моей жизни всё получалось так легко. Мне не надо было вкалывать на рисовых полях, чтобы не умереть от голода, — да я вообще никогда по-настоящему не голодал. Я не знал, что такое война и какво это — жить, не ведая, что случится завтра, потому что завтра может и не наступить. Я всегда мог позволить себе гораздо больше, чем на самом деле требовалось для жизни, и не задумываясь потреблял и потреблял всё вокруг: вещи, удовольствия, чужие чувства, окружающий мир. Но самое отвратительное, за всем этим я забыл вопросы, когда-то казавшиеся мне главными: кто я, зачем я и куда я иду. Я-то думал, это потому, что повзрослел и понял, что жизнь сама себя объясняет, но на самом деле ничего я так и не понял. К своим тридцати девяти годам я просто потерял себя и даже не заметил этой потери, продолжая жить и не понимая, что давно уже остановился.

Старик ушёл, а из-под моих ног будто выбили почву. Я доел лапшу и отправился домой укладывать рюкзак, а по пути купил билет на катер до Пномпеня. Я не вполне отдавал себе отчёт в том, что делаю и зачем, — я просто знал, что мой Вьетнам закончился этим старым вьетнамцем.

Вероника внимательно выслушала меня и спросила:

— Ты говоришь, что всё это сразу забыл. А что осталось в твоей памяти?

Я пожал плечами.

— Мне запомнилось только как я ел лапшу, а потом почему-то подумал, как же всё здесь надоело и пора отсюда уезжать.

— Как изящно тебя заманивают! — воскликнула она с неподдельным восхищением. — Это просто невероятно!

— Чего? — в который раз похолодел я.

— Этот старик был из тех, кто может изменять судьбы других, и даже не важно, знал ли он об этом сам. Когда он коснулся твоей судьбы, твой путь оказался открыт для...

Вероника осеклась и замолчала, словно передумав сообщать мне что-то важное.

— Для чего? И что значит «заманивают»? Кто заманивает и куда?

— Ты уверен, что хочешь знать всё это? — тихо спросила моя попутчица, пристально глядя мне в глаза.

Я молча смотрел на неё. Она чуть помедлила, словно собираясь с мыслями, а потом кивнула.

— Ладно. Ты хорошо помнишь свои кошмары, из которых не мог проснуться?

От изумления я буквально раскрыл рот. Около года назад меня действительно мучили сны, из которых я подолгу не мог выйти. Они были цикличны: просыпаясь, я оказывался в них снова и снова. Но как об этом могла узнать Вероника?

— Откуда ты... — начал было я, но Вероника перебила меня:
— Это неважно. Важно только то, чего ты в них боялся. Ты помнишь?

— Помню... Это была неоформленная угроза, которая заполняла собой всё вокруг. Я пытался проснуться, но когда просыпался, оказывался в другом сне, куда вслед за мной проникало и то бесформенное. Это было такое чувство... — я пошевелил пальцами, подбирая слова.

— Отчаяние неотвратимости? — предположила Вероника.

Я закивал, изумившись, как всего в двух словах ей удалось выразить самую суть того моего состояния.

Спокойно глядя на меня, она сказала:

— Всё это вот-вот вернётся к тебе снова. Твои прошлые кошмары становятся явью.

— Ну уж нет! — воскликнул я и тут же смутился от того, что на секунду поверил во всё это.

Моя загадочная компаньонка пожала плечами.

— Встреча со стариком стала для тебя поворотной точкой, понимаешь? Там, в Сайгоне, ты оказался на распутье: продолжать жить прежней жизнью, которая тебя больше не устраивала, или развернуться и пойти в неизвестном доселе направлении. И ты развернулся, но даже не понял этого. Ты вообще какой-то слепой, не видишь, что происходит прямо перед носом. Пока ты ел лапшу, твоя судьба сменила направление. Теперь твоя жизнь сначала разрушится, а потом соберётся заново. Это как умереть, а потом родиться, — и то, и другое не самая приятная вещь на свете. Я знаю, у тебя есть предчувствие беды, о котором ты боишься сказать вслух. Так вот — оно не случайно. Ты потеряешь всё, что составляет смысл твоей жизни.

— Ника, прекрати каркать! — возмутился я. — Что за бред ты несёшь?!

Она проигнорировала моё негодование и продолжила:

— Когда вчера мы с тобой встретились, я сразу увидела, что Лепесточный пёс стоит за твоей спиной. Он — проводник в царство мёртвых, и он вывернет тебя наизнанку. От тебя больше ничего не зависит, потому что когда проводник вступает в игру, он разрушает всё. Все твои надежды и мечты, ориентиры и ценности, любовь и счастье, — всё потеряет смысл. Взамен ты получишь шанс обрести знание, но даже если и обретёшь его, оно не принесёт тебе покоя. Оно заставит идти ещё дальше, в пустоту, чтобы навсегда затеряться в её владениях. Вот куда тебя заманили. И обратного хода нет.

— Хватит! — уже не на шутку всполошился я. То, что вещала Вероника, казалось плодом явно больной фантазии, но от её слов в сердце вдруг начал заползать страх, — такой, как бывает в детстве, в темноте, после только что услышанной на ночь страшной сказки. И это давно забытое детское чувство коренилось в тех ночных кошмарах, о которых каким-то чудом поведала Вероника. Её слова резонировали с чем-то настолько глубинным внутри меня, что отбросить их я не мог, как бы ни хотелось.

— Вот странный ты! — совершенно искренне удивилась моя компаньонка. — Сам же захотел узнать ответы, а теперь «прекрати». Хоть бы спасибо сказал, что ли.

Я негодуяюще уставился на неё.

— Спасибо тебе, Ника, за этот бред!

— Ну если это бред, почему же у тебя вспотели руки? — усмехнулась она.

Я окинул взглядом свои ладони и не нашёлся, что ответить. Вероника некоторое время смотрела на меня, а потом отвернулась в окно и принялась разглядывать проплывавшие мимо нас пейзажи. Мне же было не до красот. Где-то внутри меня шеве-

лилось нечто, что было давно и накрепко забыто, и теперь оно просыпалось, ворочалось и заявляло права на жизнь. Что-то незнакомое и пугающее обосновывалось во мне, совершенно не интересуясь моим согласием на этот счёт.

— Откуда ты узнала про мои кошмары? — нарушил я повисшее молчание.

— Это у тебя на лице написано, — рассеянно ответила Вероника, не отрываясь от окна.

Мне стало совсем не по себе, и я тихо спросил:

— Ника, кто ты такая?

— Твой шанс, — едва слышно пробормотала она, подобрала ноги и свернулась калачиком на сиденье, собираясь спать.

С неба льётся лунный свет.
Спряталась в тени кумирни
Ослеплённая сова.

— Дзёсо Найто.

§2. КТО ТЫ ЕСТЬ

Автобус увозил нас всё дальше на юг. Вероника прислонилась к моей руке и почти мгновенно заснула; я же смотрел на проносящиеся мимо рисовые поля и размышлял о том, как неожиданно порой складывается жизнь, устраивая встречи, которые становятся поворотными в судьбе. В том, что наша встреча была именно такого рода, никаких сомнений не оставалось.

Пока моя компаньонка спала, я ещё раз прокрутил в памяти все обстоятельства нашего вчерашнего знакомства, пытаюсь найти в них хоть что-то, что смогло бы пролить свет на её загадочную личность.

Вчера, приехав в Пномпень к середине дня и заселившись в первый подвернувшийся гестхаус, я сразу же отправился бро-

дить по городу. Колорит здешней жизни здорово отличался от вьетнамского, и я ходил по улицам, наблюдая городскую суету, а заодно пытался понять, что мне делать дальше.

К вечеру я вышел на Сисоват — туристическое сердце Пномпеня. Эта длинная набережная была заполнена самым разнообразным народом: от респектабельных парочек подчёркнуто буржуазной наружности до бродяг-бэкпэкеров, всем своим видом выражавших принадлежность к отдельному племени свободных белых разгильдяев. Среди гуляющих сновали молодые местные ребята с цепкими взглядами «любой каприз за ваши деньги», ищущие, как бы подзаработать; на каждом углу стояли кхмерки, торгующие всякой съедобной мелочью.

Вскоре мне захотелось тишины. Я спустился к реке и увидел на берегу какую-то кучу хлама, — кажется, за ней было подходящее для уединения местечко. Я уверенно зашагал туда, но подойдя ближе, обнаружил, что место занято: на траве, чуть в отдалении от горы мусора, сидела худощавая девушка с забранными в хвост волосами и что-то сосредоточенно рисовала в блокноте.

На вид ей было лет двадцать семь или около того, и мне показалось, что родом она откуда-то из Восточной Европы. По безмятежному, но целеустремлённому выражению её загорелого лица, украшенного едва заметной россыпью веснушек, становилось понятно, что путешествует она уже далеко не первый месяц. Эту догадку подтверждала и одежда, в которой неуловимо ощущался дух странствий: широкие штаны песочного цвета, кеды и потёртая майка в серо-красную полоску. Неподаляку лежал рюкзачок, из которого торчал кусок пакета с чем-то съедобным.

Заметив меня, девушка чуть улыбнулась, кивнула в знак приветствия и снова углубилась в рисование. Я кивнул в ответ и

устроился на траву в некотором отдалении. Тишины мне больше не хотелось, зато моя соседка вызывала неподдельный интерес. Некоторое время я колебался, не зная, как начать разговор, а потом спросил прямо:

— Hey... What are you drawing?*

Девушка оторвалась от блокнота и уставилась на меня долгим пристальным взглядом, словно силясь вспомнить, где и когда мы встречались раньше. Её глаза удивительного тёмно-зелёного цвета излучали такой поток направленного в мою сторону внимания, что по спине пробежал озноб. Этот взгляд казался каким-то радиоактивным, он как будто пронизывал насквозь и вызывал свербящее желание куда-нибудь укрыться. Наконец, девушка опутила глаза и молча протянула мне блокнот.

На почти законченном карандашном рисунке были изображены каменные развалины с проросшими сквозь них гигантскими корнями, — похоже, руины какого-то древнего храма. Рисунок был красивым и даже завораживающим. Не успел я поинтересоваться, что именно здесь изображено, как девушка спросила:

— Как ты меня нашёл?

Её приятный, чуть резкий голос звучал очень эмоционально, вкладывая в этот странный вопрос сразу несколько интонаций: вопрошающую, утверждающую и требующую. Я слегка опешил и произнёс:

— А как ты узнала, что я говорю по-русски?

— У тебя на майке написано, — чуть улыбнулась она.

Я посмотрел на маленький квадратик логотипа на рукаве своей футболки и улыбнулся в ответ.

— А ты внимательная!

* Привет... Что рисуешь? (англ.).

— Так как ты меня нашёл? — повторила она, снова окинув меня своим странным взглядом.

Я пожал плечами.

— Никого я не искал, просто хотел посидеть в тишине.

Девушка слегка приподняла брови.

— А что, вокруг не было других мест?

— Сама посмотри, — я обвёл рукой берег. Он был полностью пустым, не считая небольшой компании, сидящей метрах в тридцати от нас.

— Понятно, — отчего-то вздохнула она. — А что ты делаешь в Пномпене?

— Ещё не знаю. Я только приехал.

— Понятно, — повторила она. — А я тут уже третий день. Кстати, я Вероника.

— А я Дима. Рад знакомству! — обрадовался я.

Вероника, как и я, оказалась родом из Москвы, и тоже по долгу жила вдали от родины. По Юго-Восточной Азии она путешествовала почти год, а сюда, в Камбоджу, приехала из Лаоса. На вопрос о своих дальнейших планах она неопределённо повертела рукой, словно не желая это обсуждать.

Мы некоторое время делились впечатлениями о городе, поговорили о разнице между кхмерами, лаосцами и вьетнамцами, а потом замолчали, и повисла тишина. Удивительно, но у меня сразу возникло ощущение, будто мы давным-давно знаем друг друга, и поэтому наше молчание не доставляло никакого неудобства.

Наконец я решил нарушить тишину.

— Ника, ты не голодна? Может, сходим куда-нибудь?

— Давай, — откликнулась она. — Тут как раз недалеко есть местечко, где готовят хороший самлор.

— Что это? Оно хоть съедобное?

— Очень даже, — рассмеялась Вероника, поднимаясь на ноги и закидывая рюкзачок за плечи. — Это великолепный местный суп. Пошли.

Мы пересекли набережную и углубились в жилые кварталы. Вероника уверенно вела меня какими-то закоулками. Её походка отличалась удивительной собранностью, и я ещё подумал, что обычно так ходят люди, когда им важно экономить силы, — например, в горах.

Идти было недалеко, и уже через десять минут мы сидели в небольшом ресторанчике, заняв столик на улице. Суп со странным названием оказался действительно вкусным. Моя новая знакомая воодушевлённо рассказывала про свою лаосскую жизнь. Она мило улыбалась, приятно жестикулировала, а её мимика, как зеркало отражавшая все эмоции, совершенно очаровала меня.

Я, в свою очередь, поделился подробностями из своего вьетнамского путешествия, а заодно посетовал, что мучаюсь от неопределённости, не представляя, что делать дальше. Остаться в Пномпене не хотелось. Здесь было что посмотреть, но я словно чувствовал зуд в ногах, — что-то снова тянуло меня в дорогу. Однако я по-прежнему не понимал, куда же мне ехать.

— Значит, надо уезжать, — сказала Вероника. — И мне тоже уже пора.

— А тебе куда?

Она помолчала, а потом как-то неуверенно произнесла:

— К морю?..

— В Сиануквиль, наверное?

— Ну... почему бы и нет?

Стало понятно, что у неё тоже нет никаких определённых планов, и это весьма обрадовало меня. Как это ни странно, но всего за час я успел привыкнуть к этой необычной девушке, так

внезапно свалившейся мне на голову, и упускать её из виду совсем не хотелось.

— Ника, а мне с тобой можно? — осторожно поинтересовался я после небольшой паузы.

В её взгляде опять появилось нечто радиоактивное, что в очередной раз заставило меня поёжиться. Несколько долгих секунд она в упор разглядывала меня, а потом непринуждённо встряхнула волосами и мило улыбнулась.

— Почему бы и нет. Поехали прямо завтра с утра.

— Вот и отлично! — я обрадованно улыбнулся в ответ.

Сразу после ужина мы купили билеты на утренний автобус до Сиануквиля, курортного городка на побережье Сиамского залива, потом ещё немного погуляли, а около полуночи я проводил свою теперь уже компаньонку до её гестхауса, где мы и распрощались до завтра.

Автобус резко качнуло, и Вероникина голова съехала с моей руки. Не открывая глаз, она подвинулась обратно, а её лицо скрылось под рассыпавшимися волосами.

— Ника, — я слегка пошевелил плечом, — я тут вспоминал твой взгляд, от которого аж озноб пробирал. Что это было?

— А, это... я просто считывала, — не открывая глаз, пробор-мотала она.

— Что делала?

Вероника вздохнула и не ответила. Я опять пошевелил плечом. Она недовольно сверкнула глазом сквозь волосы.

— Определяла, каково оно в твоей шкуре.

— А как это? Сопереживание? — принялся выяснять я.

— Нет.

— Сочувствие?

— Нет.

— Сострадание?

Вероника промолчала.

— Тогда что значит «быть в твоей шкуре»? — не унимался я.

— То и значит: быть в твоей шкуре! — раздражённо воскликнула она и выпрямилась. — Ну вот не даёшь ты мне поспать! Я испытывала то, что испытывал бы ты, если бы из тебя вытряхнули мусор.

— Какой ещё мусор?

— Жалость и неуверенность, — Вероника вдруг брезгливо повела плечами. — Ты слишком жалеешь себя и постоянно сомневаешься в своих решениях.

Возразить особо было нечего: я и сам в последнее время замечал, что сомнения стали мешать мне жить. Однако от девушки, которая знала меня меньше суток, слышать такое было не слишком-то приятно.

— Не думаю, что у тебя есть основания так говорить, — недовольно заметил я.

— А ещё склонность защищаться, — мстительно добавила моя неласковая компаньонка. — Что защищаешь-то? Тайные подвалы своего драгоценного внутреннего мира?

Я почувствовал раздражение.

— А что, это не естественно?

— Не естественно хранить хлам в подвалах и тратить кучу сил, чтобы его охранять, — она насмешливо, но добродушно посмотрела на меня.

— Почему ты опять нарушаешь мои границы? — начал было я, но Вероника с досадой перебила:

— Отстань! — и, кинув взгляд в окно, добавила: — Кажется, сейчас будет остановка.

Автобус подъехал к придорожному кафе. Мы вышли и немного походили, разминая ноги. От утренней свежести не осталось ни следа; солнце уже припекало, а порывы тёплого ветра поднимали лёгкие струйки пыли, красноватой от какого-то специфического вида местной глины.

В кафе Вероника попросила, чтобы я купил ей молочный коктейль и что-нибудь перекусить, сунула мне в руки свой рюкзачок и пошла к очереди, образовавшейся перед туалетом. Я поизучал богатое разнообразие местной выпечки, потом взял несколько рогаликов, кофе, и отнёс всё это за свободный столик. Посмотрел в сторону своей попутчицы, в который раз удивившись, насколько она маленькая — даже не выделяется среди низкорослых местных женщин. Словно почувствовав мой взгляд, Вероника обернулась и вопросительно кивнула. Я махнул ей рукой — «Всё хорошо».

Несмотря на непредсказуемость и взбалмошность, а может быть, именно благодаря им, Вероника нравилась мне всё больше, однако сейчас в моей голове был бардак, и требовалось привести мысли в порядок. Я принялся размышлять над вскрывшимися обстоятельствами. Итак, сначала была встреча с сайгонским стариком, ставшая причиной моего поспешного отъезда из Вьетнама. Потом произошла история с собакоголовым в ржавой бочке. Оба события я почти сразу забыл. Вероника как-то умудрилась вытащить их из моей памяти, и... меня вдруг осенило: всё её дикое поведение было всего лишь спектаклем, разыгранным с единственной целью, — заставить меня вспомнить! Она знала об этих событиях, но не их детали и форму, а то, что они происходили, и зачем-то хотела, чтобы я вспомнил о них тоже. Знала она и то, что мой собакоголовый и её Лепесточный пёс — одно и то же, и вот это уже совсем не укладывалось в моей голове.

Немного поколебавшись, я залез в её рюкзачок и вытащил блокнот, желая снова посмотреть на Лепесточного пса. «Да, всё верно, так и есть» — убедился я, ещё раз внимательно изучив рисунок. Я так погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как вернулась Вероника.

— Ну и что ты делаешь? — раздался надо мной её подчёркнуто ласковый голос. Я поднял глаза. Она стояла возле меня, подбоченившись, а в её выразительном взгляде читалось требовательное недоумение.

— Как видишь, шарюсь в твоих вещах! Ты же вот позволяешь себе копать в моей памяти.

— А ты согласен на это?

— Как будто у меня есть выбор.

Вероника хитро прищурилась.

— Что ж, никто тебя за язык не тянул. Ладно, шарься, если интересно. Но вот где мой коктейль?

— Ой, прости, совсем забыл! — я собрался было встать, чтобы принести напиток, но она махнула рукой и сама направилась к стойке.

«Сейчас вернётся, и всё у неё выясню» — решил я. Но когда Вероника наконец-то уселась за столик, протянула мне один из двух зеленовато-кремовых коктейлей, изящным движением поправила волосы и очаровательно улыбнулась, мне вдруг захотелось что-либо выяснять. С ней было интересно так, как ни с кем раньше, и это главное.

Вероника отпила коктейль и зажмурилась от удовольствия. Вдруг рассмеявшись, она принялась рассказывать, как двое суток добиралась в Камбоджу из Лаоса, и как, уже приехав в Пномпень, три вечера кряду выходила на главную набережную, где мы наконец вчера встретились. Когда она стала говорить, какое поначалу я произвёл на неё странное впечатление, отку-